

Памяти Владимира Павловича Эфроимсона

Наступивший 2014 год соединил в себе две даты, связанные с именем Владимира Павловича Эфроимсона: 50 лет назад вышла в свет его монография «Введение в медицинскую генетику», ставшая первой в СССР книгой по генетике человека, опубликованной после четверти века запрета на любые исследования в этой области, и 25 лет назад не стало этого удивительного человека.

«Введение в медицинскую генетику» положило начало возрождению генетики человека в СССР, долгое время оставаясь единственным учебником для нескольких поколений советских врачей.

Время неумолимо, уже ушли из жизни его однокашники — генетики-первопризывники, все меньше остается людей, лично знавших Владимира Павловича. С годами стала очевидной необходимость того, чтобы новые поколения врачей и генетиков знали и помнили о человеке, который при жизни был образцом чести, мужества и бесстрашия, кристальной порядочности и нравственности, эталоном ученого.

Накануне 80-летия, Москва

Владимир Павлович Эфроимсон — ученый, генетик. В общедоступных советских энциклопедических словарях его имя не упоминалось. Он не был ни академиком, ни крупным общественным деятелем, не занимал никаких высоких постов. Список работ профессора Эфроимсона составляет чуть более сотни названий.

Судьба Владимира Павловича мало отличается от судеб многих выдающихся ученых той эпохи, когда открытия мирового масштаба были связаны с невероятными трудностями, требующими огромных усилий для преодоления бесконечных препятствий.

В.П. Эфроимсон родился 21 ноября 1908 г. в г. Москве, в семье крупного столичного финансиста. Окончив немецкую школу «Питер Пауль Шулле» в 16 лет, он стал первокурсником биологического отделения физико-математического факультета Московского университета, где самое большое влияние на становление его как ученого оказали занятия на Большом практикуме на кафедре экспериментальной зоологии. Руководителем кафедры в то время был выдающийся российский биолог Николай Константинович Кольцов. Основной костяк кафедры был представлен блестящими преподавателями: С.С. Четвериковым, Д.П. Филатовым, М.М. Завадовским, П.И. Живаго, Г.И. Роскиным. Получить университетский диплом В.П. Эфроимсону не довелось: 20-летний студент отважился на неслыханный по тем временам поступок — открыто выступил на университетском собрании в защиту своего учителя, профессора Сергея Сергеевича Четверикова, одного из основоположников современной биологии, создателя популяционной генетики, которого обвиняли в троцкизме. Это выступление было тем более смелым, что отец Владимира Павловича в 1926 г. был осужден по одному из первых так называемых «вредительских» процессов и приговорен к расстрелу, который заменили сначала на 10, а потом на 5 лет тюрьмы. Сын «вредителя» не побоялся выступить и защитить «троцкиста». Через 30 лет С.С. Четвериков написал своему бывшему ученику: «Это правда, что Вы и во времена студенчества, и позднее всегда стояли для меня как-то несколько в стороне от ядра моих друзей и учеников. Вы даже официально не были «зарегистрированы» среди них, хотя я всегда считал Вас одним из самых мне близких и дорогих учеников. А Ваше всегда открытое и честное отстаивание своих взглядов глубоко меня всегда трогало и радовало. И вот я, семидесятилетний слепой старик, крепко Вас обнимаю и от всего сердца говорю Вам — спасибо...».

Изгнанный из университета, Владимир Павлович работал в самых разных местах: Московском зоопарке, в Радиологическом институте, на Салтыковской кролиководческой станции и даже не-

сколько месяцев в Тбилисском Институте шелководства.

К 24-м годам Владимир Павлович опубликовал 6 научных статей и продолжал неистово работать. Больше всего его интересовали проблемы, связанные с генетикой человека. По иронии судьбы интересующие его проблемы оказались в центре готовящегося идеологического погрома. В начале 30-х годов прошлого века в СССР над генетикой, и особенно над генетикой человека, называвшейся тогда евгеникой, стали гущаться тучи.

«Наверное, из-за раннего ухода в экспериментальную науку меня почти никогда не оставляло чувство, что я вот-вот сделаю какое-то открытие. И за этими открытиями я гонялся очень долго. Пожалуй, прогонялся всю жизнь. Одно из них сыграло в моей жизни существенную роль. В 1932 г. я пришел к мысли о существовании равновесия между мутационным процессом и отбором, а главное к тому, что на основании этого равновесия можно сделать совершенно неожиданный вывод — определить частоту мутирования у человека.

Когда я начал работать в институте у С.Г. Левита, ... я сделал два доклада на семинаре в кольцовском

институте. В них и в написанной по этим материалам статье речь шла о существовании естественного отбора у человека — как о чем-то совершенно очевидном. А эта тематика по тем временам считалась чуть ли не криминальной».

В 1998 г. на конференции, посвященной 90-летию В.П. Эфроимсона, об этой, так никогда и не опубликованной статье, рассказал Н.С. Мюге: «Владимир Павлович просто подсчитывает впервые скорость мутаций у человека. Он несколько раз упоминал, что, дескать, я опередил Холдейна. Он действительно сделал это до Холдейна... Эфроимсон рассматривал 6 различных заболеваний, частоту их встречаемости у человека, после чего оценивал, какое заболевание, какая мутация дает репродуктивный тупик, как бы летальность. То есть — потомства не остается... При гемофилии — потомство может быть. Из этого исходя, считался коэффициент отбора либо рецессивных леталей, либо Х-сцепленных — и после этого вычислялась частота мутирования. Действительно, впервые для человека это было сделано... На 3 года позже Холдейн сделает то же самое, но только на одной гемофилии».

В конце декабря 1932 г. Эфроимсон был арестован по ложному обвинению якобы за участие в антисовет-

Большой практикум в МГУ, 1927 г. Во втором ряду снизу (сидят): Г.В. Самохвалова, Г.И. Роскин, С.Л. Фролова, С.С. Четвериков, П.И. Живаго, С.И. Широков, В.П. Эфроимсон

ской террористической организации (кружок по изучению философии). Вот как рассказывал о своем «деле» Владимир Павлович: «В конце концов мне заявили, что мои хождения в Вольфил и прочее — мелочь, чепуха, и «возрастное явление», что они не стали бы мной заниматься, если бы я не занял очень вредную позицию в науке. Подразумевался «социал-дарвинизм», признание естественного отбора у человека, имелась в виду евгеника. А «евгеника» — «служанка фашизма». Доказывать, что никакого фашизма в науке о наследственности нет и в помине, было совершенно невозможно. Следовательно сказал, что *сам* Дубинин заявил, что мои научные взгляды неправильны. Один из следователей уверял меня, что был на моем докладе в институте Кольцова. Думаю, что это было обычное следовательское вранье».

На допросах от Эфроимсона требовали дать показания о фашистских взглядах его учителя Н.К. Кольцова. Владимир Павлович отказался. В результате — 3 года лагеря: Горная Шория, Алтай, прокладка Чуйского тракта. Неимоверно тяжелые условия существования, изнуряющая работа, смертельный голод. «Это было, наверное, единственный раз в моей жизни — я перестал думать о генетике. Все, что у меня оставалось еще живого в существе моем, было сосредоточено на одном — на мыслях о еде».

В 1936 г., после освобождения, Эфроимсон не смог вернуться в Медико-биологический институт к С.Г. Левиту. Ему было запрещено жить в столичных городах. Дальнейшая судьба Медико-биологического института и медицинской генетики хорошо известна: С.Г. Левит был осужден за терроризм и шпионаж и расстрелян в мае 1938 г. После смерти Н.К. Кольцова в декабре 1940 г. генетика человека в СССР перестала существовать как наука.

Владимир Павлович расстался с медицинской генетикой на долгие годы. Но между первым лагерем и войной, меньше, чем за 6 лет, он собрал экспериментальный материал по генетике тутового шелкопряда, на основании которого написал книгу и подготовил 2 диссертации. О том, как он работал, ходили легенды. По 16–18 часов в сутки, не отрываясь, месяцами без выходных, без отпусков, иногда ночевал в лаборатории. Наградой за напряжение и целеустремленность стало открытие явления сцепленных генов: при отборе породы по одному выбранному полезному признаку последний «тащил» за собой ряд других неожиданных признаков, часто сводивших на нет все усилия селекционеров.

Но мало быть талантливым человеком, ничего не желающим видеть вокруг себя, кроме своей науки. Когда-то Н.К. Кольцов внушал своим ученикам: «Для настоящего ученого кроме науки как таковой ничто не может быть целью жизни. Но для того, чтобы достичь чего-то стоящего в науке, нужно быть абсолютно искренним, абсолютно честным человеком».

Много лет спустя Эфроимсон сказал: «Николай Константинович, воспитывая нас, не знал, что науке можно очень сильно помешать. Тем более, он не знал, что это так легко сделать: достаточно подменить цель или не заметить, что человека в науку толкает не любовь к другим, не любовь к науке, не жажда постичь истину, — а любовь к себе, эгоизм... Или допустить, чтобы в науке начали заправлять люди, для которых само собой разумеющиеся нравственные ценности, законы морали, порядочность, честь, правда — лишь «сказочки для идиотов», а жажда власти, высокого положения и бессовестное стремление к удовлетворению собственных потребностей — основные движущие мотивы всякой деятельности».

С подобными «отрицательными» деятелями науки Эфроимсон столкнулся в 1937 г., когда его выгнали из Ташкентского института шелководства. Результаты его 2-летнего каторжного труда — несколько поколений чистых линий шелкопряда — были сожжены. Написанную им книгу уже в типографии рассыпали в наборе. Снова безработица, запрет на проживание в больших городах. С трудом устроился работать в Мерефе, маленьком городишке на Украине, где была шелководческая станция. Независимо ни от чего Владимир Павлович продолжал свое дело, оставаясь верным своим взглядам и принципам. Однако и в Мерефе не повезло: Владимиру Павловичу отказали в «прописке» — слишком близко от Харькова.

В 1940 г. В.П. Эфроимсон преподавал немецкий язык в неполной средней школе в г. Купянске, но продолжал «наезжать» в Харьков, готовил к защите кандидатскую диссертацию. За 2 недели до начала войны, в июне 1941 г., он защитил кандидатскую и сдал в печать книгу «Селекция тутового шелкопряда». Книга не вышла из-за начавшейся войны.

Из воспоминаний В.П. Эфроимсона: «Дня через три-четыре после начала войны я пришел в военкомат в Харькове, представил справку о только что защищенной диссертации и сказал, что я — очень нужный человек. Прежде всего, я владею немецким языком как русским. Я знаю немецкую историю, литературу, культуру лучше, чем ее знает большинство немцев с высшим образованием. Но самое главное — я защитил диссертацию по генетике, я много и серьезно занимался генетикой человека. У меня на столе постоянно лежал научный журнал «Немецкий архив расовой биологии». И я прекрасно знаю всю эту идиотическую расовую теорию, прекрасно знаю, как и чем ее можно опровергнуть, разбить. Кроме того, я могу пригодиться и просто по разведывательным делам. Принимавший меня военный очень обрадовался и сказал, что как раз такой человек, как я, им очень нужен. Но я перебил его: «Есть одно «но». Я имею судимость по статье 58. Вы понимаете, я ненавижу фашизм. Вы можете быть абсолютно уверены в моей лояльности. Но на всякий случай я хочу сказать об этом сразу».

Кавалер Ордена Красной Звезды, 1943 г. (первый слева)

Военный выслушал меня и сказал: «Я сейчас только позвоню и узнаю, не занято ли то место, на которое я хотел вас принять». Он вышел за дверь и через минуту, т. е. быстрее, чем можно было бы куда-либо позвонить, вернулся и сказал: «Место занято». И я понял, что анкета — это главное».

Войну Владимир Павлович прошел в качестве эпидемиолога, участвовал в работе дивизионной разведки, проводя основное время на передовой. Награжден двумя боевыми орденами. Невольно оказавшись свидетелем насилия по отношению к гражданскому населению в Восточной Пруссии, подал рапорт. Вот как он рассказывал об этом в 1988 г.: «Я понял, что происходят дикие эксцессы, и что на эти эксцессы могут не обратить внимания... Я понял, что надо быстро, решительно принимать меры. В эксцессах менее всего были виноваты солдаты, которые много лет не видели женщин... Ведь на этом ломались даже истинные аскеты и монахи...

Я, конечно, понимал, что рискую получить по шее. Но выхода не было. Немецкого языка почти никто не знал, начальство могло просто не вникнуть в суть

происходящего. Я написал рапорт, описал то, что происходит, и, как только подтянулся штаб, отдал заявление с описанием происходящего на имя члена Военного совета через прокурора армии, который решительно не знал, что с моим заявлением делать.

Я надеялся, что член Военного совета сообразит, чем неизбежно грозят эти эксцессы. Но в то же время понимал, что как вредный свидетель, я могу получить вышку или штрафбат. Но не случилось ни того, ни другого. Меня просто вызвал начальник санитарной службы армии, полковник Лялин. Он и его заместитель, армейский хирург, минут тридцать-сорок меня отчаянно ругали... Для меня было ужасным сознание того, что мы приходим в Европу не только освободителями, но и насильниками. И, признаюсь, при этом было некоторое чувство успокоения: я-то свой долг выполнил, предупредил, сообщил. И если меня ругают, то уж наверняка под трибунал не пошлют.

На протяжении примерно полутора месяцев я был в нашей 33-й армии «паршивой черной овцой», склоняемой: у нас-мол есть такие люди, которые забыли, что немцы наделали у нас, и т. п. Потом вдруг все переменялось. Появилась статья «Товарищ Эренбург ошибается», и были приняты чрезвычайно запоздалые меры по прекращению эксцессов...».

После окончания войны В.П. Эфроимсон вернулся к генетике, начал работать в Харьковском университете на кафедре дарвинизма. Спешно дорабатывал докторскую диссертацию, защитил ее осенью 1947 г., а в феврале 1948 г. был уволен из Харьковского университета «за раболепство перед западом, за поступки, порочащие высокое звание преподавателя Высшей школы». Причиной тому стал перевод Эфроимсоном с английского языка статьи генетика Ф. Добжанского, в которой разоблачался Лысенко. Владимир Павлович очередной раз оказался без работы и теперь разрывался между Харьковом и Москвой: в Харькове была жена — М. Г. Цубина, в Москве — важные дела.

Для заработка В.П. Эфроимсон переводит с английского языка книгу Х. Котта «Приспособительная окраска животных».

В 1948 г. Владимир Павлович решает на очередной «безумный» поступок. Собрав воедино весь корпус лысенковской литературы, он проанализировал все «новаторские» положения теории Лысенко и написал фундаментальный труд — «Об ущербе, нанесенном СССР новаторством Лысенко». Эфроимсон считал себя обязанным раскрыть глаза руководителей страны на истинное положение вещей в генетике, в сельскохозяйственной и биологической науке. Труд был передан Ю. Жданову в Отдел науки ЦК, где и был прочитан в мае 1948 г.

Но в августе 1948 г. состоялась печально знаменитая сессия ВАСХНИЛ. В результате триумфа Лысенко из институтов и университетов были изгнаны сотни настоящих ученых, многие из которых остались без ра-

боты, ликвидированы кафедры и лаборатории. Среди пострадавших были такие выдающиеся ученые, как Рапопорт, Жебрак, Шмальгаузен, Сабинин и многие другие. Однако аресту был подвергнут только один — генетик Владимир Павлович Эфроимсон. Это случилось в апреле 1949 г. в Харькове — ему припомнили рапорт о недопущении эксцессов и обвинили в клевете на Советскую армию.

Из Харькова его этапировали в Москву, предъявили обвинение. Потрясает сила духа и стойкость этого удивительного человека. Пятнадцать дней он голодал в ледяном карцере Бутырской тюрьмы, требуя, чтобы нелепое обвинение, предъявленное ему, боевому офицеру, награжденному орденами и медалями за доблестный воинский труд, было заменено истинной причиной ареста. Он требовал, чтобы его обвинили в том, в чем он действительно был «виновен» — в борьбе с лысенковщиной и в дискредитации «народного академика». Эфроимсон не подписал ни одного показания и не согласился ни с одним пунктом обвинения. В результате был осужден на 8 лет лишения свободы и сослан в Джезказган. На свободу Эфроимсон вышел только в 1955 г., но снова с ограничением в праве на место проживания.

Владимир Павлович поселился в Клину и первым своим долгом счел необходимым повторить все те доводы против Лысенко, которые оказались столь несвоевременными в 1948 г. С.С. Четвериков сравнил труд Эфроимсона с расчисткой авгиевых конюшен, тут же добавив: «Но ведь для того, чтобы их расчистить, тоже нужно было быть Гераклом».

В 1956 г. Владимира Павловича реабилитировали, что позволило ему вернуться в Москву и устроиться библиографом в Библиотеку иностранной литературы. Он немедленно приступил к чтению медико-генетической литературы, от которой был отлучен многие годы, и в 1958 г. подготовил книгу о современном состоянии медицинской генетики. Потребовалось 6 лет, чтобы книга эта увидела свет.

Вот краткая история создания «Введения в медицинскую генетику», рассказанная самим Владимиром Павловичем в виде «дарственной надписи» на форзаце: «Эта книга была написана еще в 1958 г. Дубинина передернуло, когда он об этом узнал. В 1960 г. рукопись была принята Ленмедгизом, но отвергнута (без ознакомления) Медгизом. В 1961 г. АМН приняла постановление об ее издании. В 1963 г. автору стало известно, что директор Медгиза распорядился о печатании 6 экз. верстки. Автор подал заявление о печатании за его счет 30 экз. верстки, на что директор (В.И. Маевский) ответил: «Когда Вы будете директором Медгиза, то будете делать то, что сочтете нужным. Пока я директор, я делаю то, что считаю нужным». Автор скромно поблагодарил и отправился к акад. В.В. Парину, который все понимал с полслова и тут же написал в Медгиз письмо с просьбой отпе-

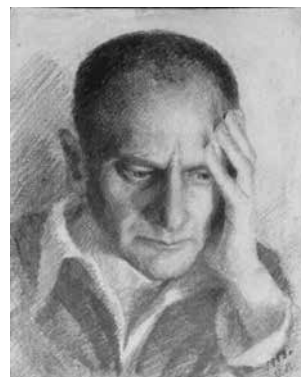

Рисунок Виктора Малдутиса. Эфроимсон в лагере, Джезказган, 1950 г.

чатать 100 экземпляров верстки для рассылки всем специалистам, что и было сделано. Затем В.В. Парин собрал совещание, на котором сразу первых двое выступавших книгу разгромили. Затем выступило человек 15, которые книгу похвалили, вопреки призывам В.В. Парина давать максимум критических замечаний. Решение было положительным, и книгу напечатали. Но затем посыпались звонки — книгу не выпускать в продажу. Командующий этим делом изъявил полную готовность следовать всем указаниям вышестоящих инстанций, но при наличии письменного указания, каковое, несмотря на решительные указания высоких звонящих, не поступило. Книга вышла за пару месяцев до 15 октября 1964 г. Печаталась по матрице.

Следует обратить внимание на то, что литература к предисловию дана в конце книги. Многие важные обстоятельства здесь пропущены. Об истории этой книги нужно писать отдельную книгу, на которую (как и на другие, гораздо более важные) у автора уже нет ни сил, ни времени. 25 августа 1976 г. В. Эфроимсон».

Комментируя представленный текст, следует сказать, что если бы были отпечатаны всего лишь 6 экземпляров верстки, заявленных первоначально, книга никогда бы не увидела свет, так как в этом случае она заведомо попала бы в руки противников медицинской генетики. Академик В.В. Парин, в те годы вице-президент АМН СССР, это понимал и добился, чтобы книга попала в руки всех ведущих генетиков и медиков. В 1968 г. было выпущено 2-е, расширенное, дополненное издание. Таким образом, ценой невероятных стараний автора отечественные ученые и медики познакомились с современным состоянием медицинской генетики. Кроме этого, Владимир Павлович приложил максимум усилий для издания на русском языке фундаментальных трудов по генетике человека, в частности «Основ генетики человека» К. Штерна.

Закрепление успеха ознаменовалось выпуском серии монографий: 1970 г. — «Генетика психических болезней» (в Трудах Московского научно-исследовательского института психиатрии МЗ РСФСР, где Владимир

Павлович заведовал лабораторией); 1971 г. — «Иммуногенетика»; 1978 г., совместно с М.Г. Блюминой, — «Генетика олигофрений, психозов, эпилепсий». При участии В.П. Эфроимсона издаются коллективные монографии: 1966 г. — «Актуальные вопросы современной генетики», 1970 г. — «Проблемы медицинской генетики».

Говоря о вкладе В.П. Эфроимсона в науку, нельзя не сказать, что идеи этого выдающегося ученого намного опередили свое время. Сегодня, в XXI веке, иммунологи, генетики, эволюционисты, этологи разрабатывают направления, которые он предрек уже полвека назад. Однако мне, лично знавшей Владимира Павловича, хотелось бы особо остановиться на такой черте его характера, как способность противостоять лжи, несправедливости, злу и насилию. Он не искал легкого пути, всегда оставался Человеком с большой буквы, представляя уникальный пример ученого, свято преданного одной идее, вобравшего в себя колоссальную энергию для воплощения этой идеи в жизнь. Его идея заключалась в том, чтобы своими знаниями, своим трудом в науке принести как можно больше пользы людям. Может быть, именно поэтому еще в конце 20-х годов прошлого века он ясно увидел, что развивающаяся бешеными темпами генетика — это именно тот путь, на котором можно достичь наиболее ощутимых результатов и, может быть, именно поэтому в эти ранние годы он начал фундаментальные исследования в области генетики человека. Исследовать закономерности развития человека, понять тайны его наследственности — это обещало огромный скачок в медицине, в профилактике наследственных болезней, в предотвращении тысяч и тысяч человеческих трагедий.

На своем «личном деле» в ГУЛАГе Эфроимсон смог увидеть пометку: «Вербовке не подлежит». Владимир Павлович гордился этой пометкой: «Как еще один орден».

Он любил рассказывать байку о существующей единице порядочности — «Тамм». Максимально возможное количество порядочности — 1 Тамм. Ровно столько, сколько было у Игоря Евгеньевича Тамма. Ровно столько, сколько было и у самого Владимира Павловича.

Пройдя череду тяжелых испытаний — тюрем, ссылок, лагерей, реабилитированный Эфроимсон немедленно окунулся с головой в те же проблемы, с которых начинал в юности. Наверстать упущенное, возродить, а точнее — создать заново медицинскую генетику стало его основной задачей.

В середине 50-х годов XX в. ему казалось, что это вполне осуществимая и очень близкая цель. Но было нечто, что в конце концов заставило 50-летнего профессора задуматься. Почему кажущаяся столь ясной, бесспорной и близкой цель удаляется по мере приближения к ней? Почему все труды, все усилия большого

отряда генетиков-первопризывников при всей их энергии, бескорыстии и беззаветности почти полностью пропадали впустую? К тому времени уже были написаны книги и учебники, прочитаны десятки курсов лекций, осуществлены многочисленные «миссионерские поездки» в крупнейшие университеты и медицинские вузы страны, но год за годом пласт непросвещенных биологов и врачей, которые не слышали слово истины и науки, становился все больше и больше? Ушел Лысенко, но советская генетика по-прежнему буксовала, не могла даже приблизительно дотянуться до тех высот, на которые она вознеслась в 30-е годы.

Со свойственной ему тщательностью и последовательностью шаг за шагом Владимир Павлович начал изучать пути развития послевоенной науки. Он понял, что его попытки уйти от политики, заниматься только наукой обречены на провал. Оторвавшись от науки, он не только изложил свое представление о системе, но при любой возможности пытался передать это свое знание другим, особенно молодежи, которая всегда его окружала. Эфроимсон понимал, что знания пробуждают в молодых умах совесть, потребность различать добро и зло, правду и ложь.

В одном из писем ко мне он поделился: «Какой-то греческий классик (Геродот, кажется?) написал, что самое страшное несчастье для человека — знать очень многое и не иметь возможности что-либо сделать».

Уже в 1960-е годы он охарактеризовал систему, сложившуюся в СССР: «Это система, приведшая к определенным принципам социального отбора, когда на вершину социальной лестницы пробираются наименее честные, наименее думающие, наиболее послушные люди, а одаренные, талантливые, ищущие, неконформные личности отбрасываются безжалостно на самых ранних этапах, на самых первых стадиях отбора».

Владимир Павлович говорил, что иначе никак нельзя назвать тех, кто презрел самый главный, по его глубокому убеждению, принцип, лежащий в основе самого человеческого рода: «Я — для людей, а не люди — для меня».

Последние годы жизни Владимир Павлович посвятил исследованию только генетики человека. О чем он писал? О загадке гениальности. О том, как преступно человечество распоряжается бесценным даром природы — неисчерпаемыми интеллектуальными ресурсами, колоссальным интеллектуальным потенциалом. О том, какими признаками наделено большинство самых выдающихся людей в человеческой истории, и о том, как можно было бы, обращая внимание на носителей этих признаков («стигм»), по мере сил оберегать хотя бы немногих, оберегать, давать им возможность развить и реализовать себя полностью. Он писал о том, как варварски мы воспитываем детей, как, не понимая,

убиваем в них данную от природы любознательность и стремление к творчеству, как пытаюсь уравнивать всех под одну гребенку, теряю самых талантливых, но наименее приспособленных к трудной борьбе за существование в несправедливо устроенном обществе индивидуумов, в котором успех вовсе не сопутствует таланту. Он писал об этике, об альтруизме...

В 1947 г. заведующий кафедрой дарвинизма и генетики Харьковского университета И.М. Поляков сетовал: «Зря я взял Эфроимсона на кафедру доцентом. Его надо было бы взять в Зоологический музей. Экспонатом. Посадить в витрину и снабдить табличкой — «Человек неразумный. Верит в человеческую порядочность. Вымирающая ветвь. Тупик эволюции. Нуждается в охране».

Владимир Павлович говорил о себе довольно часто: «Вообще-то я трус, но я не могу молчать, когда творится несправедливость». В декабре 1985 г. московской научной общественности впервые показали очень смелый по тем временам фильм «Звезда Вавилова». После показа фильма крупные ученые выступали со сцены Политехнического музея и произносили какие-то округленные фразы о трагической судьбе Н.И. Вавилова, говоря, что он погиб в тюрьме, о «злых силах», не называя этих сил и в ком они были воплощены, о большой несправедливости в отношении гения Вавилова. Владимир Павлович вырвался на сцену и практически прокричал в микрофон шокировавшие многих слова. Сегодня, спустя четверть века, я хочу привести эти слова полностью.

«Я пришел сюда, чтобы сказать правду. Мы посмотрели этот фильм... Я не обвиняю ни авторов фильма, ни тех, кто говорил сейчас передо мной... Но этот фильм — неправда. Вернее — еще хуже, это — полуправда. В фильме не сказано самого главного. Не сказано, что Вавилов — не трагический случай в истории. Вавилов — это один из многих десятков миллионов жертв самой подлой, самой бессовестной, самой жестокой системы, которая уничтожила, по самым мягким подсчетам, пятьдесят, а скорее — семьдесят миллионов ни в чем не повинных людей. И система эта — сталинизм. Сталинизм, который безраздельно властвовал в нашей стране, и который и по сей день не обвинен в своих преступлениях. Я готов доказать вам, что цифры, которые я называю вам, могут быть только заниженными.

Я не обвиняю авторов фильма в том, что они не смогли сказать правду о гибели Вавилова. Они скромно сказали — «погиб в Саратовской тюрьме»... Он не погиб. Он — сдох! Как собака. Сдох он от пеллагры — это такая болезнь, которая вызывается абсолютным, запредельным истощением. Именно от этой болезни издыхают бездомные собаки... Наверное, многие из вас видели таких собак... Так вот: великий ученый, гордость отечественной науки, академик Николай Иванович Вавилов сдох как собака в саратов-

Лекция по медицинской генетике, февраль 1966 г., Новосибирск

ской тюрьме... И надо, чтобы все, кто собрался здесь, знали и помнили это...

Но и это еще не все, что я хочу вам сказать...

Главное. Я — старый человек. Я перенес два инфаркта. Я более двадцати лет провел в лагерях, ссылке, на фронте. Я, может быть, завтра умру. Умру — и кроме меня вам, может быть, никто и никогда не скажет правды. А правда заключается в том, что вряд ли среди вас, сидящих в этом зале, найдется двое-трое людей, которые, оказавшись в застенках КГБ, подвергнувшись всем бесчеловечным и диким издевательствам, которым подвергались миллионы наших соотечественников, и продолжают подвергаться по сей день лучшие люди нашей страны, — вряд ли найдется хоть два человека, которые не сломались бы, не отказались бы от любых своих мыслей, не отреклись бы от любых своих убеждений... Страх, который сковал людей — это страх не выдуманный. Это реальный страх реальной опасности... И вы должны это понимать.

До тех пор, пока страной правит номенклатурная шпана, охраняемая политической полицией, называемой КГБ, пока на наших глазах в тюрьмы и лагеря бросают людей за то, что они осмелились сказать слово правды, за то, что они осмелились сохранить хоть малые крохи своего достоинства, — до тех пор, пока не будут названы поименно виновники этого страха, — вы не можете, вы не должны спать спокойно. Над каждым из вас и над вашими детьми висит этот страх. И не говорите мне, что вы не боитесь... Даже я боюсь сейчас, хотя моя жизнь прожита. И боюсь я не смерти, а физической боли, физических мучений...

Палачи, которые правили нашей страной, не наказаны. И до тех пор, пока за собачью смерть Вавилова, за собачью смерть миллионов узников, за собачью смерть миллионов умерших от голода крестьян, сотен тысяч военнопленных, пока за эти смерти не упал ни один волос с головы ни одного из палачей — никто из нас не застрахован от повторения пройденного... Пока на смену партократии у руководства государства

не станут люди, отвечающие за каждый свой поступок, за каждое свое слово — наша страна будет страной рабов, страной, представляющей чудовищный урок всему миру..

Я призываю вас — помните о том, что я сказал вам сегодня. Помните! Помните!»

В тот день я спросила его, почему он так кричал в микрофон? Он ответил: «Я боялся, что меня и на этот раз не услышат...».

В 1971 г. В.П. Эфроимсон писал: «История показывает, что идеология, противоречащая человеческой совести, для своего поддержания нуждается в таком мощном чиновничье-шпионско-полицейско-военном аппарате подавления и дезинформации, при котором очень затруднен подлинный накал свободной коллективной мысли, необходимой для самостоятельного прогресса...

Специфика эволюционного развития человечества такова, что естественный отбор был в очень большой степени направлен на развитие самоотверженности, альтруизма, коллективизма, жертвенности. Эгоизм очень способствует выживанию индивида... Но род, не обладавший биологическими основами мощных инстинктов коллективной защиты потомства и всей группы, обрекался на вымирание, на истребление групповым отбором...

Фундаментальное значение для судеб народа приобретает вопрос о том, по каким индивидуальным особенностям идет социальный отбор, то есть отбор в группы, концентрирующие в своих руках социально-

экономическое могущество, в чем бы оно ни выражалось — в земельных ли владениях, во владениях ли средствами производства, деньгами, печатью, кино, радио, телевидением, государственной властью и возможностью ее распределения, возможностью устанавливать ценностные критерии для подвластных масс. Огромную роль играет специфика социального отбора, социального подъема, продвижения вверх по имущественной, иерархической, кастовой, классовой лестнице, передававшего власть в руки вовсе не наиболее достойным людям, стремящимся утвердить в обществе доброе начало. Наоборот, социальный отбор постоянно подымал на верхи пусть и энергичную, но прежде всего наиболее властолюбивую, жадную, бессовестную прослойку человечества...».

И там же он привел высказывание Ш. Монтескье: «Принцип (устройства) государства деспотического беспрерывно разлагается, потому что он порочен по своей природе. Другие государства гибнут вследствие особых обстоятельств, нарушающих их принципы; это же погибает вследствие своего внутреннего порока».

Владимир Павлович Эфроимсон умер 21 июля 1989 г.

Слова из его статьи «Родословная альтруизма» звучали как слова надежды. «Человек разумный — это, прежде всего, человек этический». Таким было кредо выдающегося генетика. Всей своей жизнью В.П. Эфроимсон доказал нормальность, истинность и осуществимость того, во что он верил.

Елена Кешман

АКТОВЕГИН®

энергия жизни

Антигипоксанта и антиоксиданта, применяющийся в комплексной терапии неврологических, метаболических и хирургических заболеваний, а также их осложнений

- **Метаболические и сосудистые заболевания головного мозга (инсульт, черепно-мозговая травма, различные формы недостаточности мозгового кровообращения, деменция)**
- **Диабетическая полинейропатия**
- **Периферические сосудистые, метаболические нарушения и их последствия**
- **Заживление ран (трофические нарушения кожи, язвы, пролежни)**

Краткая информация по медицинскому применению препарата Актовегин®:

Регистрационные номера: ЛС-001323 от 26.02.2006; ПН 014635/03 от 19.12.2007; ПН014635/02 от 14.03.2008; ПН014635/01 от 26.02.2008. Торговое название — Актовегин®. **Активное вещество:** депротеинизированный гемодериват крови телят.

Формы выпуска: раствор для инъекций — 40 мг/мл, ампулы по 2 мл, 5 мл, 10 мл; раствор для инфузий — 4 мг/мл и 8 мг/мл в растворе натрия хлорида 0,9% 250 мл; 4 мг/мл в растворе декстрозы 250 мл, таблетки 200 мг № 50. **Показания:** метаболические и сосудистые нарушения головного мозга (в том числе ишемический инсульт, черепно-мозговая травма, различные формы недостаточности мозгового кровообращения, деменция), периферические (артериальные и венозные) сосудистые нарушения и их последствия (артериальная ангиопатия, трофические язвы, диабетическая полинейропатия), заживление ран (язвы различной этиологии, трофические нарушения, пролежни, ожоги, нарушения процессов заживления ран), профилактика и лечение лучевых поражений кожи и слизистых оболочек при лучевой терапии. **Противопоказания:** гиперчувствительность к препарату Актовегин® или аналогичным препаратам, декомпенсированная сердечная недостаточность, отёк лёгких, олигурия, анурия, задержка жидкости в организме. С осторожностью: гиперхлоремия, гипернатриемия, сахарный диабет. **Побочное действие:** аллергические реакции (кожная сыпь, гиперемия кожи, гипертермия) вплоть до анафилактического шока. В связи с возможностью возникновения анафилактической реакции рекомендуется проводить тест — 2 мл до начала инъекции, инфузии. **Способ применения и дозы:** до 5 мл возможно внутримышечное введение, от 200 до 2000 мг (25–50 мл) вводят внутривенно капельно медленно (2 мл/мин.). В таблетках — по 1–2 таблетки 3 раза в день перед едой. Дозы зависят от степени тяжести и выраженности симптомов каждого конкретного заболевания. Продолжительность лечения зависит от индивидуального назначения. Полная информация по препарату содержится в инструкции по медицинскому применению.

Информация для специалистов здравоохранения.

ООО «Такеда Фармасьютикалс»: 119048, г. Москва, ул. Усачева, дом 2, стр. 1.

Телефон: +7 (495) 933 55 11, Факс: + 7 (495) 502 16 25

АСТО-FPA-2014-C1-№2

www.actovegin.ru
www.takeda.com.ru

Дата выпуска рекламы: март 2014.

	НЕВЕСЁЛЫЕ ЗАГАДКИ :-)			1. Сложно подни- маться по лестнице. Сложно дышать, лёжа на спине. Сложно моему врачу правиль- но поставить диагноз. Что это такое?
2. Один врач думал, что это — полимиозит. Другой думал, что это — миастения. Ни один из диагнозов не был правильным. Что это?		3. Постановка диаг- ноза какого прогрес- сирующего нервно- мышечного заболевания занимает в среднем 7 лет¹, хотя оно диагно- стируется простым		

Б • О • Л • Е • З • Н • Ъ П • О • М • П • Е

ТЯЖЕЛОЕ ПРОГРЕССИРУЮЩЕЕ И ЧАСТО ФАТАЛЬНОЕ НЕЙРОМЫШЕЧНОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ, КОТОРОЕ, НЕСМОТРИ НА ЯРКИЕ СИМПТОМЫ, ЧАСТО ОСТАЕТСЯ НЕДИАГНОСТИРОВАННЫМ¹

 Myozyme®
(alglucosidase alfa)

Первый и единственный препарат для лечения болезни Помпе, который меняет естественное течение заболевания за счет улучшения и поддержания функции мышц, что позволяет пациентам вести более активную и полноценную жизнь^{2,3,4}

1. Hirschhorn R, Reusser AJ. Glycogen storage disease type II: acid-alpha-glucosidase (acid maltase) deficiency. In: Scriver C, Beaudet A, Sly W, et al. The metabolic and Molecular Bases of Inherited Disease. New York: Mc Graw Hill 2001; 3389-3420.
2. Van der Ploeg AT, Barohn R, Carlson L, et al. Open-label extension study following the Late-Onset Treatment Study (LOTS) of alglucosidase alfa. Mol Genet Metab. Nov 2012;107(3):456-461.
3. Van Capelle CJ, van der Beek NA, Hagemans ML, et al. Effect of enzyme therapy in juvenile patients with Pompe disease: a three-year open-label study. Neuromuscul Disord. Dec 2010;20(12):775-782.
4. Van der Ploeg AT, Clemens PR, Corzo D, et al. A randomized study of alglucosidase alfa in late-onset Pompe's disease. N Engl J Med. Apr 2010; 362(15):1396-1406.